

RU

Фольклорные традиции и основы поэтики Кязима Мечиева

Биттирова Т. Ш.

Аннотация. В аннотируемой статье исследуются недостаточно изученные аспекты стихосложения классика карачаево-балкарской поэзии Кязима Мечиева, в частности связь с фольклорными поэтическими традициями и новаторство автора при переходе к новой системе стихосложения в предписанный период развития национальной литературы. Цель исследования - выявить особенности стихосложения К. Мечиева, их обусловленность новыми обстоятельствами культуры - появлением возможности для печатного распространения поэтических текстов вместо традиционного - рукописного, появлением читателя вместо слушателя, расширением аудитории и слушателей, и читателей. Научная новизна исследования видится в том, что в работе впервые раскрываются комплекс поэтических приемов, используемых К. Мечиевым при организации стиха, приверженность его к тюркской системе стихосложения и самобытность автора. Результаты научного исследования показали актуальность темы, выявили богатство и своеобразие поэтического мастерства автора. Избранный ракурс исследования продемонстрировал важность его для понимания творческих поисков К. Мечиева в области стихосложения и значимость для понимания формальных структур авторской поэтики, а также необходимость дальнейшего изучения поэтических нововведений К. Мечиева при формировании письменной литературы, в первую очередь поэзии.

EN

Folklore Traditions and Foundations of Kyazim Mechiyev's Poetics

Bittirova T. S.

Abstract. The annotated paper explores the insufficiently studied aspects of the versification of the classic of Karachay-Balkar poetry Kyazim Mechiyev, in particular the connection with folklore poetic traditions and the author's innovation in the transition to a new system of versification in the pre-written period of national literature development. The research aims to identify the peculiarities of K. Mechiyev's versification, their conditionality by the new cultural circumstances, i.e. the emergence of opportunities for the printed distribution of poetic texts instead of the traditional handwritten one, the appearance of readers instead of listeners, an increase in the level of both listenership and readership. Scientific novelty of the research is seen in the fact that the work is the first to shed light on the complex of poetic techniques used by K. Mechiyev in the organisation of the verse, his commitment to the Turkic system of versification and the author's artistic identity. The research findings have shown the relevance of the topic, have revealed the richness and originality of the author's poetic skill. The chosen perspective for the research has demonstrated its importance for understanding K. Mechiyev's creative searches in the field of versification and its significance for understanding the formal structures of the author's poetics, as well as the necessity for further study of K. Mechiyev's poetic innovations in the formation of written literature, primarily poetry.

Введение

Актуальность данной работы вызвана тем, что поэтические аспекты стихосложения Кязима Мечиева, в частности связь с фольклорными поэтическими традициями и новаторство автора при переходе к новой системе стихосложения в предписанный период развития национальной литературы, мало изучены в существующих литературоведческих исследованиях (Бауаев, 1998; 1999). А между тем поиски и находки классика и одного из основоположников письменной литературы оказали заметное влияние на ее последующее развитие.

Надо отметить, что основные принципы стихосложения классика карачаево-балкарской поэзии К. Мечиева привлекали внимание литературоведов неоднократно, хотя нет специальных исследований по данной теме. Каждый, кто писал о творчестве поэта, подчеркивал его приверженность к восточной поэтике, не раскрывая содержания тезиса. Есть отдельные этюды об основах поэтики классика в исследовании К. К. Бауаева (1999)

«Основы балкарского стихосложения», который отмечает, что «его произведения служат примером использования в балкарском стихосложении опыта восточной (классической) поэзии...» (с. 5), однако автор недостаточно раскрывает свой тезис. Подобное положение связано прежде всего с трудностями теоретического характера, поскольку в карачаево-балкарском литературоведении за исключением названной монографии К. К. Бауаева и двух весьма содержательных статей Б. А. Мусукова (2017а; 2017б) нет ни одной специальной работы, детально анализирующей особенности поэтики карачаево-балкарского фольклора и литературы. До сих пор не определены многие ее параметры и национальное своеобразие.

Для достижения цели исследования необходимо решение следующих задач:

1. Определить, насколько творчество классика карачаево-балкарской литературы К. Мечиева привержено народному стиху.
2. Проанализировать основные формы тюркского стиха, реализованные в творчестве автора.
3. Выявить связь между семантикой и поэтикой произведений К. Мечиева через призму методов стихосложения.

Для решения поставленных задач использованы сравнительно-сопоставительный и контекстуальный методы, которые сочетаются в статье с принципом системности и целостности анализа.

Материалом исследования стали произведения поэта, вошедшие в двухтомник «Стихотворения и поэмы» (Мечиланы, 1989а; 1989б), изданный Институтом гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук в 1989 г., введение и научный комментарий которого являются фундаментальным исследованием. Однако и здесь не был проведен анализ основ стихосложения К. Мечиева.

Кроме того, в работе использовались материалы хрестоматии по карачаево-балкарскому фольклору (Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле... / сост. Т. Ш. Битирова, А. Б. Габаева. Нальчик, 1997).

Теоретической базой работы стали общетеоретические исследования по тюркскому стихосложению и публикации, посвященные творчеству Кязима Мечиева (Бауаев, 1998; 1999; Ахметов, 1964; Мусуков, 2017б; Нурахунова, 2016; Родионов, 1980).

Практическая значимость статьи состоит в том, что его результаты могут быть использованы при чтении курсов по истории и теории карачаево-балкарской литературы, при написании монографий и статей, посвященных творчеству К. Мечиева, также по проблемам карачаево-балкарского стихосложения.

Основная часть

1. Фольклорные традиции и кязимовский стих

Поэзия Кязима Мечиева, несомненно, опирается на народный стих, базирующийся на обязательном каноне, предполагающем жанровую привязанность и синкретичность. Но осознание поэтом критического отношения к традициям дало ему возможность выбора, он смог преодолеть синкретичность народной поэзии: наравне с распевом (махарадз) декламировать свои стихи и поэмы. То же самое делали слушатели его произведений. И это было значительным шагом к письменному этапу развития литературы. «Стихотворная речь является частью поэтики и формой жанра народной поэзии. Сам жанр подчиняется или обряду (в обрядовой поэзии), или системе общественно-хозяйственной и духовной культуры народа. Следовательно, устно-поэтическая система находится в макросистеме духовной культуры общества. Поэтому стихотворная речь должна изучаться в контексте всей культуры. Данная особенность вносит в комплексное исследование стиха принцип внесистемных связей, единства общего и особенного, содержания и формы» (Родионов, 1980, с. 9).

Опора на народное поэтическое творчество – незыблемый закон для предписанного периода любой национальной литературы. И народный стих – не порождение стихии, он «в своей основе имеет обязательный канон, которого придерживаются все исполнители. А если произведение не отвечает этим требованиям, то оно подвергается шлифовке, отбрасываются чужеродные для народного творчества элементы стиха» (Родионов, 1980, с. 14).

Рифма – это сходные по звучанию окончания поэтических строк. Термин «рифма» происходит от греческого слова «соразмерность», т.е. равносложность. Главной характеристикой поэтической речи, наряду с ритмом, является ее равносложность и созвучность. Если изучение всего комплекса стихосложения любого автора или народного стиха является одним из основных принципов анализа поэтической речи, то в этом комплексе важное место отводится рифме.

В карачаево-балкарском фольклоре две основные формы размеров организации речи стихотворной строкой – 11-14-сложник и 6-8-сложник, т.е. длинные строки и короткие. Первый размер характерен для эпических произведений. И в первую очередь для нартского эпоса. Сказания о нартах начинаются с цикла о Дебете, «подобно космогоническим мифам, начинающимся с зарождения жизни через огонь» (Бауаев, 1999, с. 6). И в этом цикле встречаются тексты, где количество слогов доходит до двадцати с учетом рефрена, в данном случае начального:

- «Орайда, атларына миннген эдиле нартла бирден, ашыгып, – 19
 Орайда, узакъ жолгъа чыкъгъан эдиле, излей хайыр, ахшылыкъ – 19
 Орайда, бек алларында баргъан къарт Дебетди быланы, – 17
 Орайда, къарт болса да, бар эди аны он тогуз уланы. – 18
 Орайда, нарт аскери Нартиядан чаба, жорта кетдиле, – 18

Орайда, кѣп тауладан да кѣп сууладан да ётдюле. – 16
 Орайда, бара, жорта кетдиле, жолда уа была сейирден а ёлдюле: – 19
 Орайда, бир жашчыкъ да бир бѣрюню эме тургъанын да кѣрдюле. – 20
 Орайда, ол бѣрю уа ычхыналмай бу жашчыкъны кѣолундан, – 18
 Орайда, нарт аскери тохтап къарай эди бара тургъан жолундан» – 20
 (Алгъышла, нарт таурухла..., 1997, с. 69).

Подстрочный перевод (здесь и далее подстрочный перевод выполнен автором статьи. – Т. Б.):

«Орайда, сели на коней нарты вместе, торопясь,
 Орайда, вышли на долгую дорогу в поисках блага (для нартов),
 Орайда, впереди всех едет старый Дебет,
 Орайда, хоть он и стар, но девятнадцать сыновей у него,
 Орайда, войско нартов вскачь добрались до Нартия,
 Орайда, они проехали через множество гор и рек,
 Орайда, скакали они, но увидели в пути чудо чудное:
 Орайда, они увидели, как один мальчик сосал молоко у волчицы.
 Орайда, а волчица не могла освободиться из его объятий,
 Орайда, войско нартов, остановившись, смотрело на это...».

Здесь каждая строчка несет большую смысловую нагрузку и является по сути мини-рассказом. И тем не менее этот размер остается значимым поэтическим средством в создании эпического произведения. В другом нартовском тексте-характеристике, посвященном нарту Дебету, меньше действия, но больше чувств и красок и превалирует другой многосложник из 11-12 слогов. Поэтому здесь действие намного динамичнее, чем в предыдущем тексте:

«Дебет бир кюн нарт таулагъа баргъанды, – 11
 Ташла бла сѣлеше анда къалгъанды. – 11
 Ала бла оноу, кенгеш этгенди, – 10
 Ташла алып, ол юйюне жетгенди. – 11
 Ол ташланы кѣолу бла эзгенди, – 10
 Хар бир ташда не болгъанын сезгенди» – 11
 (Алгъышла, нарт таурухла..., 1997, с. 60).

Подстрочный перевод:

«Однажды Дебет пошел в горы нартов,
 Задержался там, разговаривая с камнями.
 Он с ними держал совет,
 И пришел домой, взяв с собой камни.
 Он раздавил камни руками,
 Чувствовал, что есть в каждом камне».

В карачаево-балкарском фольклоре встречается и разносложность, призванная создать настроение неустойчивости, игры. В песне «Ёрюзмок бла шайтанла» («Ёрюзмок и шайтаны») строка колеблется от 5- до 15-сложника.

Карачаево-балкарские историко-героические песни в большинстве своем составлены 12-15-сложником, что, несомненно, играет основную роль в придании эпичности произведению, созданию ретроспекции. Длинная строка «работает» на сюжет, есть возможность следить за его перипетиями. Однако не у всех тюркских народов встречается такая закономерность. По свидетельству З. А. Ахметова (1964), в казахском устном народном творчестве «фольклорный жанр и стих находятся в тесной связи при ведущей роли первого. Замечено, что короткий стих господствовал в основном в эпической поэзии, а длинный – в сюжетных поэмах более позднего времени» (с. 23).

2. Равносложники К. Мечиева

В карачаево-балкарском устном народном творчестве и в произведениях, к примеру, певца-импровизатора Аппы Джанибекова короткие стихи часто являются речитативными, а длинные – напевно-речевыми. Короткими стихами сочинены большинство произведений детского фольклора. Кязим Мечиев в своих произведениях использует различные формы равносложника – 6-, 8-, 9-сложники, но предпочтение отдает 8-сложнику:

«Бирликни атасы ёлдю,
 Бизге бек учузлукъ келди.
 Кѣрмейбиз жууукъну, тенгни,
 Жарлыдан ётебиз кенгни» (Мечиланы, 1989а, с. 20).

Подстрочный перевод: «Умерло единство и пришло к нам унижение. Не замечаем родных и друзей. Бедных избегаем».

Все стихи Кязима Мечиева, посвященные любимой, написаны 8-сложником. Таким же размером написана поэма о любви «Бужжигит», в которой 8-сложник сменяется 7-сложником при диалоге героев, при передаче их эмоций. 7-сложником написана и поэма «Раненый тур». При атрибуции религиозных произведений

К. Мечиева, установлении их подлинности в числе других методов необходимо учитывать равносложность стиха поэта. Как правило, они написаны в основном 7-сложником и 8-сложником. Редко встречается 6-сложник, и он связан с детскими стихами. К. Мечиев любил сочинять поэтические экспромты, бытовые зарисовки, давать шуточные характеристики друзьям и знакомым, все они написаны 7-сложником. Лирические размышления поэта имеют более широкий слоговой диапазон – от 9-сложника до 11-сложника, с превалированием первого, 9-сложника.

9-сложник позволяет автору выразить свои мысли и чувства неспешно и основательно, в то же время он динамичен и легко запоминается слушателем. «Одним из древнейших размеров тюркского стиха является девятисложный стих, – пишет Г. М. Нурагунова (2016), – он занимает пограничную позицию между фольклором и современной поэзией, являясь переходным звеном от коротких туркумов к размерам более объемного слогового состава. Последний факт обусловил особое ритмико-синтаксическое оформление размера. Просодика его вобрала в себя легкость, упрощенную стиховую организацию, близкую к коротким стихотворным размерам, и в то же время некоторую неторопливость, размеренность стиховой речи, тяготеющей к туркумам, стиховой ряд которых превышает 9 слоговых единиц» (с. 96).

9-сложник, составленный из трех слов в каждой строке, соответствующий анапесту в силлабо-тонике, возможно, явил бы пример другой стихотворной системы, однако 9-сложник Кязима Мечиева редко состоит из трех слов в строке. Обычно строки 9-сложника состоят из слов с двумя, тремя и четырьмя слогами, и четкого ударения, как в анапесте или других трехстопных размерах силлабо-тоники, мы не наблюдаем. Этот размер занимает особое место в его творчестве. Девятислоговые стихи К. Мечиева навевают грустные мысли, они свидетельствуют о напряженной духовной жизни автора, его тревогах и надеждах:

«Мен теҗри жарыгъын кёрюрге
Алай термилеме Шыкыда.
Жол ачыкъ деп ууаз берирге,
Уятыргъа халкъны жукъудан...» (Мечиланы, 1989а, с. 21).

Подстрочный перевод:

«Я так хочу увидеть рассвет,
Глядя на мир из Шыкы.
Сказать всем, что дорога свободна,
Разбудить народ ото сна».

Стихи Кязима в редких случаях имеют 11- или 12-сложник, и они связаны с социально-философским содержанием произведений. Так, в стихотворении «Жарлы хоншум Гуа» («Мой сосед – бедняк Гуа») поэт размышляет над проблемой социального неравенства, когда бедняк рождается обездоленным и обречен на страдания до конца жизни. Здесь и обращение к Творцу, и раздумья над вечными пороками общества, когда сильные мира сего считают себя («Биреу – бийди, кёзюбюзге тебинед, Ол кесине аллах киби кёрюнед» (Мечиланы, 1989а, с. 155). / «Вот князь, он измывает над нами, а сам себя считает Аллахом») заместниками Бога на земле.

3. Виды рифм и строфика

Что касается непосредственно рифмы, то в поэзии К. Мечиева представлены все ее классические формы – точная, неточная; простая, сложная; равносложная, неравносложная; мужская, женская, дактилическая. Надо отметить, что в стихотворениях поэта часто встречается рифма сложная, состоящая из нескольких слов.

Нередки строфы, где рифмуются только вторая и четвертая строки, остальные – без рифмы, что придает стиху смысловую недосказанность:

«Санга къайыкъ бла баргъа
Умут этгенем. Къайыгъым
Тюбю башына бурулуп,
Мен жаргы жолумда къалдым.

Мени ёнюмю эшитмейсе,
Атынгы айта, жолгъа чыкъсам.
Жалан къая зынгырдаун
Эштеме, сени чакъырсам» (Мечиланы, 1989а, с. 83). /

«К тебе я хотел перебраться в челне, –
Челнок опрокинулся мой.
К тебе я хотел прискакать на коне, –
Свалился мой конь вороной.

В письме я с тобою повел разговор,
Письмо утонуло в реке.
Мой голос не слышен тебе из-за гор,
Лишь эхо звенит вдалеке» (Перевод С. Липкина. URL: https://vk.com/wall-47236166_17169).

Рифма здесь также неточная (къайыгъым – къалдым) и неравносложная (чыкъсам – чакъырсам).

Поскольку ударение в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, падает на конец слова, то практически все рифмы мужские, то есть ударение падает в рифмующихся словах на последний от конца в строке слог, за исключением вопросительных слов. Такие слова обычно находятся внутри строки, не влияя на конечную рифму. В карачаево-балкарской поэзии возможно появление и дактилической рифмы, когда рифмуются глаголы, содержащие и вопрос, и обращение ко второму лицу – *берЕмисе, алаАмыса, кьарАймыса* и т.д.

Таким же исключением являются деепричастия со значением отрицания – *бермей, алмай, кьарамай, тутмай, сагьынмай* и т.д., где ударение падает всегда на предпоследний слог, и здесь мы наблюдаем уже женскую рифму.

В поэзии Кязима Мечиева занимают особое место стихи со сплошной рифмой, когда всё стихотворение с первой до последней строки построено на одной рифме. Таково стихотворение «Адамды бизни атыбыз» («Имя нам – человек»). Рифма здесь несет большую смысловую и эмоциональную нагрузку, смыслы нанизываются друг на друга, напряжение растёт и всё подчинено основной мысли, выраженной в последней строфе:

«Алгъа барайыкъ сурап ыз,
Кёп кыйналса да жаныбыз,
Толур бир кюн муратыбыз, –
Адамды бизни атыбыз» (Мечиланы, 1989b, с. 328).

Подстрочный перевод:

«Будем идти вперед, спрашивая верный путь,
Как бы ни мучились наши души.
Исполнятся в один день наши надежды, –
Ведь имя нам – Человек».

В данном стихотворении рифмуются корневые фонемы, а аффикс *-ыбыз* выступает в роли усилительной частицы.

Абсолютное большинство поэтических текстов К. Мечиева делятся на четверостишия. Этот вид строфики – самый распространённый в карачаево-балкарской поэзии. Рифмующиеся строки могут располагаться внутри четверостишия по-разному. Автор использует различные способы рифмовки: параллельный (парный), кольцевой (опоясывающий) – и реже всего – перекрёстный способ рифмовки (который, к слову сказать, самый распространённый в современной карачаево-балкарской поэзии):

«Жигитлиги, ётю болгъан эр киши,
Айтханына узакъ, жууукъ кьарагъан,
Эллилеге жарап тургъан хар иши,
Къыйын кюнде къан чериуге баралгъан...» (Мечиланы, 1989a, с. 183).

Подстрочный перевод:

«Тот мужчина, в ком мужество и храбрость,
Кто верен слову данному всегда.
Кто помощь всем воспринимает как данность,
В трудный час не покинет битву никогда».

Некоторые произведения К. Мечиева оформлены как тюркский туяг, когда в четверостишии рифмуются все три строчки, а последняя, четвертая, – сквозная для всего произведения и является рефреном. Этот размер восходит к восточной поэзии и его арузной форме месневи.

В творчестве К. Мечиева трёхстишия – довольно редкое явление. Чаще встречаются двестишия-бейты, и они связаны в основном с его религиозно-дидактической поэзией. Этим размером написаны его произведения «Фатыуа» («Наставление»), «Адеп бейтлери» («Бейты о благородстве»), «Ийман-ислам», «Игилик бла аманлыкъ» («Добро и зло») и др.

«На заре письменной балкарской поэзии наряду с точными созвучиями поэты удовлетворялись также и приблизительными, не образующими рифмы с современной точки зрения окончаниями типа: ийнан-нган-ма – унут-хан-ма. Такое объединение слов в звуковые пары лишь при помощи окончаний или же аффиксов словоизменения представлялось наиболее простым и находило поддержку в творчестве большинства балкарских поэтов, стоявших у истоков развития балкарской поэзии. Часто “рифмовались” однородные члены предложения, например существительное с существительным, глагол с глаголом и так далее...» – пишет К. Бауаев (1999, с. 7). Надо отметить, что в творчестве К. Мечиева такие рифмы – большая редкость, несмотря на то, что он был у истоков письменной традиции. В его поэтической практике встречаются самые разнообразные рифмы и практически нет аффиксальных. И он впервые рифмует разные части речи. «Такие сочетания разнородных частей речи в стихотворных произведениях явились существенным шагом к развитию рифмы в сторону расширения диапазона сочетаний рифмующихся строк» (Бауаев, 1999, с. 196).

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что классик карачаево-балкарской поэзии К. Мечиев в своем творчестве аккумулировал достижения национального фольклора и новые формы тюркского стиха.

При этом в его поэзии представлены все основные слоговые размеры – от 3-сложника до 12-сложника, обогатившие карачаево-балкарскую поэзию разнообразием форм, что, в свою очередь, определяло и богатство идейного содержания произведений.

Таким образом, творчество Кязима Мечиева, классика карачаево-балкарской поэзии, отличается разнообразием строфической системы и рифмы, и они отвечают философско-дидактическим размышлениям автора, реализации его эмоционального настроения, раскрытию идейно-нравственных задач.

Перспективы дальнейшего исследования творчества К. Мечиева обусловлены существенным вкладом поэта в развитие национальных поэтических структур и необходимостью углубленного его изучения, как в отношении проблематики, так и поэтики.

Источники | References

1. Ахметов З. А. Казахское стихосложение. Алма-Ата: Наука, 1964.
2. Бауаев К. К. Основы балкарского стихосложения. Нальчик: Эль-Фа, 1999.
3. Бауаев К. К. Проблемы эволюции балкарской поэзии (основы балкарского стихосложения): автореф. дисс. ... к. филол. н. Нальчик, 1998.
4. Биттирланы Т. Ш. Ал сёз // Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле...: хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т. Ш. Биттирова, А. Б. Габаева. Нальчик, 1997.
5. Мечиланы К. Сайламаларыны эжитомлугъу (Стихотворения и поэмы): в 2-х т. / сост., авт. пред. и коммент. А. М. Теппеев. Нальчик, 1989а. Т. 1.
6. Мечиланы К. Сайламаларыны эжитомлугъу (Стихотворения и поэмы): в 2-х т. / сост., авт. пред. и коммент. А. М. Теппеев. Нальчик, 1989б. Т. 2.
7. Мусуков Б. А. Соотношение аллитерации и рифмы в стихосложении // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2017а. № 3.
8. Мусуков Б. А. Фонетические особенности карачаево-балкарского аллитерационного стиха // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017б. № 11-1 (77).
9. Нурахунова Г. М. Ритмическая индифферентность девятисложного размера в современном тюркском силлабическом стихе // Научное обозрение. 2016. № 1.
10. Родионов В. Г. Чувашское и тюркское стихосложение: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 1980.

Информация об авторах | Author information

RU**Биттирова Тамара Шамсудиновна¹**, д. филол. н.¹ Институт гуманитарных исследований - филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик**EN****Bittirova Tamara Shamsudinovna¹**, Dr¹ Institute for the Humanities Research - Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik¹ tbittirova@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 29.11.2022; опубликовано (published): 31.01.2023.

Ключевые слова (keywords): Кязим Мечиев; тюркский стих; новаторство и традиции фольклора; балкарская поэзия; стихосложение; Kyazim Mechiyev; Turkic verse; innovation and folklore traditions; Balkarian poetry; versification.